

A woman with long brown hair, wearing an orange jumpsuit and a complex blue and silver backpack, is shown in profile, looking towards a futuristic city. The city features large, metallic, saucer-shaped structures supported by tall, dark pillars. The sky is blue with some clouds and a small satellite or drone is visible. The overall scene is a vibrant, sci-fi landscape.

Алла Муратова

НОВЫЙ мир

Алла Муратова

Новый мир

<https://litres.ru/74385124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман про любовь, радости жизни, про вторжение инопланетян и о том как люди учатся жить в новом мире

Содержание

Тень среди руин	13
Тёплый свет в руинах	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алла Муратова

Новый мир

Тихий покой

Над планетой повисла тишина — та самая, что наступает перед бурей. В небе, где ещё вчера плыли привычные облака, теперь висели десятки огромных кораблей, похожих на гигантские тёмные лепестки. Они не издавали ни звука, но от их неподвижности становилось только страшнее — словно сама атмосфера затаила дыхание.

Инопланетяне пришли не с войной в привычном смысле. Они не сбрасывали бомбы и не сжигали города лучами. Вместо этого они включили устройство, которое назвали «Тихим Покоем». Оно подавляло любые сильные эмоции: гнев, отвагу, решимость. Люди оставались в сознании, но словно теряли стержень — никто не мог заставить себя действовать решительно. Паника затихала, протест угасал, даже страх становился тусклым и безразличным, будто его накрыли тяжёлым серым одеялом.

За несколько дней пришельцы установили контроль над главными узлами связи, электростанциями и транспортными системами. Их роботы-дроны бесшумно скользили по улицам, сканируя каждый дом, каждый переулок, каждую тень. Сами инопланетяне были высокими, с кожей цвета ночного неба и глазами, в которых не отражался свет — они ка-

зались провалами в пустоту. Они говорили мало, а их речь звучала как тихий шелест ветра, который каждый слышал по-своему.

В одном из заброшенных научных бункеров под Москвой группа учёных пыталась собрать последние крупинки надежды.

— Мы не можем атаковать их напрямую, — пробормотал профессор Лебедев, теребя седые волосы. — У нас нет оружия, способного пробить их щиты. Но если «Тихий Покой» подавляет эмоции... значит, есть что-то, что он не может заглушить.

— Любовь, — тихо сказала Майя, сидя на краю стола и сжимая в руках старый диктофон. — Он не может заглушить любовь. Я это чувствую. Когда я думаю о маме, о том, как она печёт пироги, о том, как папа смеётся над своими же шутками... в груди становится горячо. И это тепло не исчезает.

Доктор Харитоновна посмотрела на девочку с усталой нежностью:

— Ты права. Мы проверили. Устройство подавляет импульсы, связанные с агрессией и паникой, но привязанность, забота, верность — они работают по другому принципу. Это не всплеск, это... фундамент. Как несущие стены в здании.

— Значит, мы можем использовать это, — Майя подняла голову, глаза её горели. — Я запишу видео. Не про войну. Про мелочи. Про то, ради чего стоит держаться.

Лебедев вздохнул, но в его взгляде мелькнуло уважение:

— Хорошо. Но помни: если тебя найдут...

— Я знаю, — перебила Майя. — Но если я не попробую, они заберут у нас всё. Даже воспоминания.

Она записывала короткие видеообращения в полутёмном углу бункера, при свете тусклой лампы. Рассказывала про запах свежего хлеба, про смех бабушки, про скрип снега под ботинками, про любимую собаку, которая ждёт у двери, про взгляд мамы, когда она думает, что ты спишь. Эти ролики передавали из рук в руки, скачивали на старые телефоны, показывали на проекторах в подвалах, в заброшенных гаражах, в тёмных углах станций метро. И с каждым просмотром «Тихий Покой» слабел — будто невидимая плёнка, покрывавшая мир, становилась тоньше, и сквозь неё проступали живые краски.

Тем временем пришельцы начали замечать странность. На одном из их кораблей, в центре управления, существо с кожей цвета ночи склонилось над панелью данных и тихо прошелестело:

— Показатели нестабильны. Эмоциональный фон планеты не снижается, несмотря на усиление поля.

Второй инопланетянин, стоявший рядом, медленно повернул голову — движение было почти незаметным:

— Они держатся друг за друга. Это... неэффективно с точки зрения контроля. Но эффективно с точки зрения выживания.

— Мы должны усилить подавление.

— Это может привести к коллапсу их когнитивных функций.

— Тогда мы получим управляемую популяцию.

Существо, произносившее эти слова, на мгновение замерло, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя:

— Или мы получим пустую оболочку. А это... не соответствует нашим целям.

Учёные из бункера придумали план. Они собрали устройство, работающее на основе человеческих эмоций: оно должно было создать импульс, способный отключить «Тихий Покой» по всей планете. Но для этого нужен был мощный источник — одновременный всплеск искренних чувств, такой сильный, чтобы пробить защиту, которую пришельцы считали непробиваемой.

Майя предложила провести «День Открытых Сердец».

— Люди должны вспомнить что-то очень важное для себя и поделиться этим, — говорила она, стоя перед небольшой группой добровольцев, которые пришли в бункер. — Хоть шёпотом, хоть криком, хоть взглядом. Главное — не прятать это.

Один из добровольцев, пожилой мужчина с грубыми руками рабочего, тихо спросил:

— А если у меня ничего такого нет? Если я просто жил, работал, спал...

Майя подошла к нему и взяла его руку:

— У вас есть. Может, это запах машинного масла, кото-

рый вы узнаете с закрытыми глазами. Может, это чашка чая, которую жена ставит перед вами каждое утро. Может, это то, как ваш сын впервые назвал вас «папой». Это всё — ваше сердце. И его нельзя забрать.

Мужчина кивнул, и в его глазах блеснули слёзы — первые настоящие эмоции за долгие дни.

И вот настал нужный момент.

Часы по всему миру показывали одно и то же время. В бункерах, на крышах, в подвалах, на опушках лесов, в пустых квартирах, в переполненных убежищах люди замерли — но не от страха, а от сосредоточенности, от готовности отдать самое дорогое, что у них было: свои чувства.

В заброшенном бункере под Москвой учёные включили устройство. Сначала оно тихо загудело, потом замигало тусклыми огнями, будто сомневалось, хватит ли силы. Инженеры переглядывались, пальцы дрожали над кнопками.

— Ещё немного, — прошептал Харитонов, глядя на скачки напряжения.

— Нет, — вдруг твёрдо сказала Майя. — Не «ещё немного». Сейчас.

Она подняла голову и сказала в микрофон — не громко, но так, что её слышали все, кто был рядом:

— Я помню, как папа учил меня завязывать шнурки. Он говорил: «Не торопись, делай аккуратно, потому что это твоя опора». Я тогда не понимала, о чём он. А теперь понимаю: это про то, что даже самое маленькое дело — это тоже лю-

бовь. И я не позволю её забрать.

Её голос дрогнул, но не от слабости, а от напряжения, от того, как много в нём было собрано: воспоминаний, тепла, упрямства.

Рядом с ней стоял Лебедев. Он положил руку ей на плечо и тихо добавил:

— А я помню, как в детстве мы с братом запускали воздушного змея. Он всё время рвался из рук, и мы смеялись, потому что боялись его упустить. Но мы не упустили. Мы держали его вместе. И сейчас мы держим что-то гораздо большее.

И в ту же секунду по всей планете люди начали говорить, шептать, плакать, улыбаться, сжимать чьи-то руки, смотреть друг другу в глаза. Кто-то вспоминал запах дождя на асфальте, кто-то — как бабушка гладила его по голове, кто-то — первый велосипед, который ему подарили, кто-то — просто тот момент, когда понял, что его любят.

Устройство в бункере вспыхнуло ослепительным светом. Его индикаторы загорелись так ярко, что учёным пришлось отвернуться. Металл начал вибрировать, будто внутри него билось огромное сердце. Импульс пошёл по проводам, по воздуху, сквозь стены, сквозь города, сквозь океаны — он летел, как волна, как крик, как песня, которую поют миллионы голосов одновременно.

На корабле пришельцев главный наблюдатель замер, когда данные на экране вдруг пошли рябью.

— Поле нестабильно, — прошелестел один из операторов.

— Источник?

— По всей планете. Синхронный эмоциональный всплеск. Не агрессия. Не страх. Привязанность. Забота. Память.

Наблюдатель медленно наклонил голову, будто пытаясь понять что-то за пределами своих алгоритмов:

— Это... не поддаётся моделированию.

— Должны ли мы усилить подавление?

Он помолчал несколько долгих секунд — для их расы это было почти криком души.

— Нет. Это не подавление. Это основа их вида. Если мы уничтожим это, мы уничтожим их как цивилизацию. А наша цель — не уничтожение.

Когда настал нужный момент, устройство сработало. «Тихий Покой» рухнул, как стеклянный купол, разбившийся от одного сильного удара. Трещины побежали по невидимой оболочке, покрывавшей планету, и с оглушительным беззвучным треском она рассыпалась на миллионы осколков, которые тут же растворились в воздухе.

Эмоции вернулись — яркие, живые, настоящие. Люди вдруг почувствовали всё сразу: радость, боль, страх, любовь, гнев, надежду — и это было так сильно, что многие падали на колени, не выдерживая напора собственных чувств. Но это был не хаос. Это была жизнь.

Пришельцы впервые почувствовали то, чего не понима-

ли: силу единства. Их технологии оказались бессильны перед тем, что нельзя измерить и контролировать. Они пытались анализировать, сканировать, искать источник, но не находили ничего, кроме тысяч маленьких, но невероятно прочных нитей, соединявших людей друг с другом.

Корабли в небе замерли. На несколько долгих, звенящих секунд даже ветер, казалось, перестал дуть. А потом, один за другим, они начали подниматься выше, уходя в холодную черноту космоса. Они не проиграли в бою, но поняли, что эту планету нельзя покорить, не уничтожив саму её душу — а этого они, вопреки ожиданиям, делать не хотели.

На рассвете, когда последние корабли растворились в сиянии солнца, люди вышли на улицы. Они обнимались, смеялись, плакали и не верили, что всё закончилось. Кто-то целовал асфальт, кто-то кричал в небо, кто-то просто стоял и дышал, чувствуя, как воздух снова стал настоящим.

А Майя стояла на крыше самого высокого здания в городе и смотрела в небо, зная: теперь она точно понимает, что самое сильное оружие на Земле — это не сталь и не огонь, а то, что живёт в сердце каждого. То, что нельзя отключить, нельзя заблокировать, нельзя стереть. То, что делает нас людьми.

Ветер тронул её волосы, и ей показалось, что где-то далеко, среди звёзд, кто-то услышал эти слова и кивнул в ответ.

Рядом с ней появилась Харитонова, обняла её за плечи: — Ты сделала невозможное.

Майя улыбнулась, чуть дрожа от усталости и счастья:

— Нет. Мы все сделали. Каждый, кто вспомнил что-то хорошее. Каждый, кто поделился этим. Это была не моя сила. Это была наша.

Харитоновна кивнула, глядя на просыпающийся город:

— И теперь наша задача — не потерять это. Помнить. Делиться. Держаться друг за друга.

— Да, — тихо сказала Майя, не отрывая взгляда от горизонта. — Потому что, если мы будем помнить, никто больше не сможет забрать у нас наш мир.

Тень среди руин

После того как корабли ушли, Земля не стала прежней. Города стояли, будто оглушённые: улицы были пусты, фонари мигали через раз, а в воздухе висел пепел — будто сама планета выдохнула горечь и теперь никак не могла отдышаться. Люди ходили с опущенными головами, говорили шёпотом, словно боялись, что небо снова услышит их и ответит чем-то страшным.

А где-то в тени, между разрушенными домами и заросшими парками, остался один. Его звали К'тар. Он не ушёл с остальными, потому что не верил, что поражение — это конец. Он хотел понять: что же в этих хрупких существах было таким сильным, что сломало безупречную логику их плана?

К'тар прятался. Его тело было слишком чужим: кожа отливала синевой, пальцы были длинными и тонкими, а глаза не отражали свет — они его поглощали. Если кто-то замечал его, то сначала застывал, потом кричал, а потом бежал, не оглядываясь. Однажды на него кинули камень. В другой раз за ним погнались с фонарями и криками: «Он вернулся! Он пришёл за нами!»

Он не был врагом. Но для людей он всё ещё оставался захватчиком. Чужим. Тем, кого нельзя понять, а значит — нужно бояться.

И только одна девочка его не испугалась.

Её звали Лия. Ей было девять, и она умела видеть не только то, что бросается в глаза. Она заметила, как К'тар каждый вечер садится у старого фонтана, где вода давно не текла, и смотрит на отражение луны, будто пытается запомнить её форму. Она видела, как он осторожно поднимает упавший листок, будто боится сломать его.

Однажды Лия подошла к нему и тихо сказала:

— Ты не такой, как они. Ты просто... потерялся.

К'тар вздрогнул. Он не ждал, что кто-то заговорит с ним. Его язык люди не понимали, но он научился слушать интонации, улавливать паузы между словами, замечать, как меняется лицо человека, когда он говорит правду или лжёт. А в голосе Лии не было ни страха, ни злости — только любопытство и тихая грусть, похожая на его собственную.

Лия стала приносить ему хлеб, который ей давали в школьной столовой, и рассказывать истории. Не про войну и не про захватчиков, а про то, как пахнет дождь перед грозой, как смешно фыркает соседский кот, как её бабушка вяжет шарфы и всегда оставляет на них маленькие узелки «на счастье».

Сначала К'тар слушал, не понимая. Потом начал повторять за ней слова. Потом — задавать вопросы.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — спросил он однажды, глядя на неё своими тёмными, бездонными глазами, в которых, казалось, можно было утонуть.

— Потому что ты здесь. И тебе, наверное, одиноко, —

просто ответила Лия, и в этом «наверное» было столько осторожной, бережной доброты, что К'тар впервые почувствовал, как внутри что-то тихо треснуло — не от боли, а от того, что ему позволили быть слабым.

С каждым днём К'тар всё больше чувствовал то, чего раньше не знал: тепло, которое рождается не от огня, а от чужого взгляда. Он начал замечать детали, которые раньше казались ему бессмысленными: как человек морщится, пробуя лимон, как ребёнок смеётся, когда его кружат по комнате, как старик поправляет шарф, будто это самое важное дело на свете. Эти мелочи складывались в странную, хрупкую мозаику жизни, которую он не мог описать, но уже не хотел терять.

Но не все были добры к нему. В городе шептались, что в руинах живёт «тот самый», и что нельзя доверять тому, кто пришёл с неба. Однажды вечером Лию встретили у дома и строго сказали:

— Не ходи туда. Он опасен.

— Он не опасен, — упрямо ответила девочка, и в её голосе вдруг прорвалась взрослая твёрдость, которой раньше не было. — Он просто не знает, как быть человеком.

Это только разожгло подозрения. Люди стали собираться группами, обсуждать, что делать с «оставшимся». Кто-то предлагал выследить его. Кто-то — попытаться поговорить. Но страх был громче разума, и он разрастался, как тень в сумерках.

В ту ночь К'тар почувствовал, что воздух стал тяжелее. Он понял: скоро придут. Он не хотел, чтобы из-за него Лия попала в беду. Поэтому он решил уйти — туда, где его никто не найдёт.

Когда он уже собирался раствориться в темноте, Лия выбежала к нему, запыхавшись, в одной куртке поверх пижамы, волосы растрепались, а глаза были огромными от страха и решимости.

— Не уходи! — крикнула она, и этот крик был громче всех тех криков, что когда-то гнали К'тара прочь. — Они просто боятся! Но я знаю, что ты хороший!

К'тар замер. В этот момент он понял то, ради чего остался: люди не принимают чужаков не потому, что злые, а потому, что им страшно потерять то, что у них есть. И доброта — это тоже своего рода храбрость: когда ты протягиваешь руку тому, кого все остерегаются.

Он опустил на одно колено, чтобы быть с ней одного роста, и тихо произнёс:

— Я останусь. Но только если ты обещаешь быть осторожной. Обещай, что не будешь спорить с теми, кто сильнее. Что не будешь кричать там, где нужно молчать. Что не поставишь себя под удар.

Лия кивнула, хотя в глазах у неё стояли слёзы, и прошептала:

— Обещаю. Но ты тоже обещай. Что не исчезнешь, пока я не буду готова тебя отпустить.

С тех пор они стали прятаться вместе. К'тар учился быть тише, незаметнее, сливаться с тенями, которых и так было слишком много в разрушенном городе. А Лия учила его словам, которые нельзя услышать, но можно почувствовать: «доверие», «забота», «дом». Она показывала ему, как эти слова живут в поступках: в том, как мама укрывает ребёнка одеялом, как сосед приносит хлеб, если у кого-то пусто в шкафу, как старый пёс, даже если он ворчит, всё равно ложится у двери, охраняя тех, кто ему дорог.

Со временем кое-что начало меняться. Люди стали замечать, что странные вещи происходят не из-за зла, а иногда — вопреки ему. То фонарь вдруг загорался сам по себе (К'тар тихо чинил проводку, пока никто не видел). То пропавшая кошка возвращалась к хозяйке, будто её кто-то привёл. То в заброшенном парке появлялись аккуратные дорожки, будто кто-то расчищал их от мусора.

Постепенно страх стал уступать место любопытству. А любопытство — доверию.

Однажды утром Лия привела К'тара к людям. Не в центр города, а на окраину, где жили те, кто помнил, как помогать друг другу. Она держала его за руку — не как за поводок, а как за опору.

— Это К'тар, — сказала она просто, и голос её дрожал, но не от страха, а от напряжения, от того, как сильно она хотела, чтобы всё получилось. — Он остался, чтобы понять нас. И я думаю, мы тоже можем попробовать понять его.

Кто-то отступил назад. Кто-то сжал кулаки. Но кто-то просто посмотрел на девочку, на её серьёзное лицо, на то, как крепко она держит эту странную, синеватую руку, и вдруг понял: если ребёнок не боится, значит, есть шанс, что бояться не нужно.

Прошло много дней, прежде чем К'тару позволили войти в дом. Ещё больше — прежде чем с ним заговорили без дрожи в голосе. Но однажды старик, который раньше громче всех кричал «прогоните его», принёс К'тару чашку тёплого чая и сказал, глядя не на странную кожу и не на тёмные глаза, а прямо в лицо:

— Пей. Он остынет, если не поторопишься.

К'тар осторожно взял чашку. Он не знал, что с ней делать. Пальцы дрогнули, и чашка чуть не выскользнула. Лия тихо шепнула:

— Просто попробуй. Это значит, что он хочет, чтобы ты был с нами.

И К'тар сделал глоток. Чай был горьковатым, тёплым, живым. Он закрыл глаза на секунду, а когда открыл, увидел, что старик смотрит на него не как на угрозу, а как на того, кто просто хочет согреться.

Старик хмыкнул, будто пытаясь скрыть неловкость, и буркнул:

— Ну, раз пьёшь, значит, не враг. А если не враг — помоги доски перетащить. Руки-то у тебя длинные, пригодятся.

К'тар кивнул, поставил чашку и молча пошёл за стариком.

И впервые за долгое время почувствовал: он не чужой. Он — здесь.

Тёплый свет в руинах

Первые дни после того, как старик дал К'тару чашку чая, были самыми трудными. Люди не прогоняли его, но и не подпускали близко. Они наблюдали издали: как он двигается, что делает, не прячется ли за каждым углом с каким-то злобющим замыслом. В этих взглядах было не столько злобы, сколько измученного страха — страха, который въелся в кости после всего, что пришлось пережить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.